

Создание такого крупного произведения, как роман о Тросникове, поставило Некрасова в ряды писателей гоголевской школы, принципам которой он оставался верен всё время.

Большое значение придавал Некрасов объединению передовых сил литературы. В этих целях в период с 1843 по 1846 год он предпринял издание нескольких альманахов. Это — «Статейки в стихах без картинок» (1843), «Физиология Петербурга» (1844—1845), «Петербургский сборник» (1846) и «Первое апреля» (1846).

В «Статейках в стихах без картинок» наряду со стихами Н. И. Куликова и В. Р. Зотова Некрасов поместил свой стихотворный фельетон «Говорун», сурово осужденный впоследствии автором, но свидетельствующий о том, что в области стихотворной техники поэт добился уже очень значительных успехов, а в области социальной у него уже выработались определенные взгляды и, в частности, отрицательное отношение к чиновничеству.

Две части второго альманаха Некрасова — «Физиология Петербурга» — сыграли очень важную роль в деле пропаганды и упрочения в русской литературе школы Гоголя. Кроме Белинского, напечатавшего в альманахе целых четыре статьи, и Некрасова, опубликовавшего в нем очерк «Петербургские углы» и стихотворение «Чиновник», в альманахе участвовали Григорович, Гребенка, Даль (Луганский), Панаев и Кульчицкий. Белинский в особой вступительной статье подчеркивал, что составители альманаха прежде всего стремились ознакомить своих читателей «с многочисленными сторонами русского быта, русского общества». ¹³ «...Сколько материалов, — писал он, — представляет собою для сочинений такого рода огромная Россия! Великороссия, Малороссия, Белороссия, Новороссия, Финляндия, остзейские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь, — всё это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям, и, особенно, по смеси чисто русского элемента со множеством других элементов... Мало этого: сколькими оттенками пестреет сама Великороссия не только в климатическом, но и в общественном отношении!». ¹⁴

Существенным дополнением к вступительной статье Белинского является особая заметка об альманахе, напечатанная в «Литературной газете» (1845, № 13) и принадлежащая перу Некрасова. В ней содержится следующая яркая тирада:

«...Цель <книги> — раскрыть все тайны нашей общественной жизни, все пружины радостных и печальных сцен нашего домашнего быта, все источники наших уличных явлений; ход и направление нашего гражданского и нравственного образования; характер и методу наших наслаждений; типические свойства всех разрядов нашего народонаселения и, наконец, все особенности Петербурга, как города, как порта, как столицы, как крайнего рубежа Руси, как *окна в Европу!*

«Добро пожаловать, книга умная, предпринятая с умною и полезною целью! Ты возложила на себя обязанность трудную, щекотливую, даже в некотором отношении опасную... Ты должна открывать тайны, подсмотренные в замочную скважину, подмеченные из-за угла, схваченные врасплох; на то ты и физиология, то есть история внутренней нашей жизни, глубокой и темной, прикрытой мишурой и блесками, замаскированной роскошными фасадами, вкусными обедами, наружной чистотой и блеском, отражающими и преломляющими луч истины, который нахально хочет проникнуть в ее тайную внутренность! ...Все эти статьи, кроме литературного достоинства, имеют еще и достоинство правды, весьма важное и даже главное в сочинении такого рода» (IX, 142—143).

Поставленные перед ним задачи альманах разрешал вполне удовлетворительно и заслужил положительный отзыв Белинского в «Отечественных записках» (1845, № 8), писавшего:

«Мысль этой книги прекрасна..., можно сказать утвердительно, что это едва ли не лучший из всех альманахов, которые когда-либо издавались...».¹⁵

А несколько позже Белинский назвал третий альманах Некрасова «Петербургский сборник» «небывалым явлением в нашей литературе» и присовокупил: «от того и успех небывалый».¹⁶ Из великих русских критиков и публицистов в «Сборнике» приняли участие Белинский и Герцен, из беллетристов — Тургенев, Достоевский, Одоевский, Панаев, из поэтов — Некрасов и Майков. Кроме того, в «Сборнике» были помещены, — разумеется в переводах, — произведения Шекспира, Гёте, Байрона. А главное, «Петербургский сборник» давал новые и очень яркие доказательства того, что реализм, т. е. показ действительной жизни, преимущественно в ее темных и мрачных сторонах, показ, продиктованный стремлением придать литературе серьезный социальный смысл, демократическая тематика, заставлявшая с большим вниманием относиться к представителям низших классов, чем к представителям социальных верхов, изображаемых обычно в сатирическом плане, наконец, гуманистическая настроенность и направленность, благодаря которым писатели с особым сочувствием относились к страдающей человеческой личности, становятся отныне отличительными особенностями передовой литературы. Не Некрасов был основным пропагандистом этих особенностей, а Белинский, но никоим образом не следует забывать здесь и исключительных заслуг Некрасова. «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник» по праву могут быть названы детищами Некрасова, ибо не обладай он такими блестящими организаторскими способностями, тактом и чутьем перворазрядного редактора, практическим взглядом, характеризующим его как выдающегося издателя, едва ли эти альманахи могли создаться и в таком именно виде, в каком они вышли в свет, и приобрести такой колоссальный успех. А кроме того, первостепенное значение имел и вклад Некрасова в альманахи, как одного из основных их сотрудников.

В «Петербургском сборнике», кроме стихотворений «В дороге», «Колыбельная песня», «Отрадно видеть, что находит...», помещено не менее замечательное стихотворение «Пьяница», основной образ которого резко контрастирует с образами других стихотворений Некрасова в «Петербургском сборнике» — помещика, чиновника, высокопоставленной особы.

Почти одновременно с выходом в свет «Петербургского сборника» в «Отечественных записках» (1846, № 4) были напечатаны стихотворения «Когда из мрака заблужденья...» и «Огородник», в первом из которых Некрасов в борьбе против социальной неправды провозглашает новый взгляд на так называемую «падшую женщину» («Я понял всё, дитя несчастья! Я всё простил и всё забыл»), а во втором — резко восстает против сословных предрассудков, разрушающих счастье любящей пары — «мужика вахлака» и «дворянской дочери».

Через два года после выхода «Петербургского сборника» Некрасов создает замечательное стихотворение, в котором образ публично истязуемой крестьянки переносится в обстановку городской жизни, благодаря чему кипящее в душе поэта возмущение и теми неправдами, которые творятся в деревне, и теми, какие совершаются в городе, как бы соединяется в единый поток. Мы имеем в виду стихотворение 1848 года «Вчерашний день часу в шестом...». Оно поражает эмоциональностью своего содержания и яркостью красок. Концовка же стихотворения — последние две строчки — не только призвана усилить впечатление от стихотворения, но и подчеркнуть органическую связь между страданиями народа и поэтическим творчеством Некрасова. Назвать свою музу «родной сестрой» подвергаемой позорному наказанию крестьянской девушки — это значило не только создать незабываемый по силе впечатления образ, равных которому не много найдется в мировой поэзии, это значило решить вопрос об общественной миссии поэта так, как его мог решить только убежденный и последовательный революционный демократ. Истинная поэзия должна быть прежде всего обращена лицом к народу, должна быть связана с его горестями и радостями так же крепко, как связана бывает «родная» сестра с горестями и радостями другой сестры.

Реакционная критика — П. А. Плетнев в «Современнике» и С. П. Шевырев в «Москвитяине» — не находила достаточно резких слов, чтобы достойно заклеить «собрание столь грязных исчадий праздности», какими представлялись ей стихи Некрасова; охранители из числа правительственных сановников (шеф жандармов, министр народного просвещения) были не менее возмущены, как это видно из копии официальной переписки между ними. Характерно, что именно появление в печати рассматриваемых стихов Некрасова, а прежде всего «Колыбельной песни», имело своим следствием то, что Некрасов, в качестве заведомо неблагонадежного писателя, попал в орбиту пристального наблюдения III Отделения. Этому, надо думать, немало способствовал своими доносами и давний ненавистник Некрасова Ф. В. Булгарин.

Что касается передовых литературно-общественных кругов в лице их общепризнанных вождей — революционных демократов Герцена и Белинского, то их отношение к стихам Некрасова этих лет было вполне положительным.

Герцен свое одобрение стихам Некрасова выразил в особой «записочке» к нему (выражение самого Некрасова в письме к Тургеневу от 7 июня 1857 года), к величайшему сожалению, до нас не дошедшей. Белинский же свое одобрение, вернее восхищение, выражал и в личных беседах (известное свидетельство Панаева в его «Воспоминаниях») и печатно. В своей статье о «Петербургском сборнике», боясь привлечь к Некрасову, как автору помещенных в «Сборнике» стихотворений, внимание властей предрешающих, Белинский ограничился всего лишь несколькими словами, но словами очень полноценными: «Самые интересные из них (т. е. из стихов, помещенных в «Сборнике». — В. Е. -М.) принадлежат перу издателя Сборника г. Некрасова. Они проникнуты мыслию; это — не стишки к деде и луне; в них много умного, *дельного* и современного».¹⁷

Последний (четвертый по счету) альманах Некрасова «Первое апреля» хотя и являлся сравнительно небольшим сборничком юмористического характера, однако не был лишен серьезного общественного значения. Он осмеивал в форме юмористических статей и пародий реакционные течения того времени, главными представителями которых являлись Булгарин (ему Некрасов посвятил знаменитую эпиграмму «Он у нас осьмое чудо...»), Шевырев и Погодин (барды «официальной народности») и славянофилы. С помощью юморесок же в «Первом апреля» были заклеены реакционные социальные группы (бюрократия и крепостническое дворянство). Основным сотрудником альманаха был сам Некрасов, причем наиболее ценным вкладом его были пародии, точнее, перепевы, выполнявшие, без сомнения, серьезную общественную функцию.

Успех альманахов и растущая популярность Некрасова как поэта побудили его в исходе 1846 года осуществить для пропаганды идей социального и политического раскрепощения русского народа новое издательское начинание несравненно более крупного масштаба. Мы имеем в виду аренду основанного в 1836 году А. С. Пушкиным журнала «Современник».

Двадцать лет — с 1847 по 1866 год — Некрасов редактировал и издавал «Современник». Создать «Современник» — это значило не просто создать удачное журнальное предприятие, это значило сделать крупнейший вклад в дело социального и политического раскрепощения русского народа. В «Современнике» первых двух лет его издания появились такие исключительные по своему значению произведения русской классической литературы, как «Кто виноват?», «Сорока-воровка», «Из записок доктора Крупова» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, «Антон Горемыка» Григоровича, первые рассказы цикла «Записок охотника» Тургенева, стихи Некрасова, в том числе такие прославленные, как «Тройка», «Псовая охота», «Нравственный человек», «Еду ли ночью», стихи Огарева, не говоря уже о статьях Белинского последнего периода его жизни («Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Взгляд на русскую литературу 1847 года», «Ответ Москвитянину» и т. п.). И не только исключительными по своему составу являлись беллетристический и критический отделы «Современника», очень значительную ценность представляли научный отдел и отдел «Смесь». Этот последний искусным подбором материала, распределенного по небольшим статейкам, фиксировал внимание читателей на вопросах преимущественно внутренней жизни тогдашней России, освещая их в прогрессивно-демократическом духе.

Что касается направления «Современника» в рассматриваемый период, то оно характеризуется «программной» статьей Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года» («Современник», 1847, № 1).

Великий критик начинал ее со следующего заявления: «Главная цель нашей статьи — познакомить заранее читателей „Современника“ с его взглядом на русскую литературу, следовательно, с его духом и направлением, как журнала».¹⁸

Основная идея статьи Белинского выражена в словах:

«Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью...

«Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности. То, что для нас, русских, еще важные вопросы, давно уже решено в Европе... Но это нисколько не должно отнимать у нас смелости и охоты заниматься решением таких вопросов, потому что, пока не решим мы их сами собою и для самих себя, нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе... У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения».¹⁹

О каких «вопросах» говорит здесь Белинский? Он не мог ответить на это в подцензурном «Современнике», но ответил в писанном без всякой оглядки на цензуру «Письме к Гоголю» в знаменитой формуле: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть».²⁰

«Письмо к Гоголю» проникнуто таким революционным пафосом, дает такую беспощадно резкую характеристику николаевской действительности с ее тремя китами — православием, самодержавием, народностью — что дало основание В. И. Ленину указать, что «настроение Белинского в письме к Гоголю» «зависело от настроения крепостных крестьян».²¹

Социально-политические взгляды Белинского разделялись такими руководящими работниками журнала, как Некрасов, Герцен и др. Лучшие писатели эпохи сотрудничали в «Современнике», в нем нашли себе место первоклассные художественные произведения. В результате в первый год своего существования «Современник» имел большой успех и обзавелся очень значительным количеством подписчиков.

Однако была и другая сторона медали: вскоре после основания журнала перед новой редакцией возникли трудности, порожденные внутривредакционными трениями.

Трудно было добиться того, чтобы А. В. Никитенко, состоявший официальным — но не фактическим — редактором журнала, не вмешивался в редакционные дела.

Еще труднее было убедить Белинского в том, что невключение его в число «дольщиков» «Современника», т. е. в число издателей журнала, вовсе не означало умаления его значения в составе редакции «Современника».

Немало забот и тревог доставила весьма двусмысленная позиция «москвичей», которые сотрудничали одновременно и в «Современнике» и в «Отечественных записках», тогда как при переходе «Современника» в руки новой редакции имелось в виду, что они будут исключительными сотрудниками «Современника».

Не забудем, что тогда еще не совсем было ясно, что таких заправских либералов, как, например, Боткин и Кавелин, тянуло к сотрудничеству в либерально-западнических «Отечественных записках» гораздо больше, чем к сотрудничеству в демократическом «Современнике».

Назревшие в 1847 году разногласия в кружке «Современника» — интереснейшая, но почти не исследованная научным литературоведением проблема. Для нас совершенно ясно, что пути Белинского, Герцена и Некрасова, с одной стороны, Боткина, Анненкова, Кавелина — с другой, уже в 1847 году должны были окончательно разойтись. Однако этого не произошло: Белинский тяжело заболел и умер, Герцен уехал за границу. С 1849 года начался иной период в русской общественной жизни, период злейшей политической реакции. Всё это отодвинуло окончательный разрыв либералов и революционеров-демократов почти на целое десятилетие.

Обстановка политической реакции «мрачного семилетия» поставила Некрасова, оставшегося в «Современнике» одиноким, в исключительно трудные условия. Для того чтобы спасти «Современник» от гибели, нужны были титанические усилия, незаурядный талант, неутомимая энергия, непоколебимая вера в свое дело. Все эти качества были присущи Некрасову в высшей степени. Усилиями Некрасова «Современник» был спасен.

Не жалея сил, буквально сгорая в пламени тяжелой и неблагодарной работы редактора-издателя, Некрасов сумел разрешить сложнейшие проблемы, связанные с изданием «Современника» в реакционные годы.

Примечания

¹³ Физиология Петербурга, ч. I, СПб., 1844, стр. 5.

¹⁴ Там же, стр. 9—10.

¹⁵ В. Г. *Белинский*, Полное собрание сочинений, т. IX, СПб., 1910, стр. 470.

¹⁶ То же, т. X, 1914, стр. 233.

¹⁷ В. Г. *Белинский*, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 225—226.

¹⁸ В. Г. *Белинский*, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 388.

¹⁹ Там же, стр. 388, 411—412.

²⁰ *Белинский*, Письма, т. III, 1914, стр. 231.

²¹ В. И. *Ленин*, Сочинения, т. 16, стр. 108.